

ВЫШГОРОДСКИЙ МЕМОРИЙ СВЯТЫХ СТРАСТОТЕРПЦЕВ БОРИСА И ГЛЕБА В СИСТЕМЕ САКРАЛЬНЫХ ТОПОСОВ ДРЕВНЕГО КИЕВА

Агиографическим текстам борисоглебского литературного цикла и некоторым аспектам культа святых князей посвящена обширная научная литература. В данной же работе рассматривается вопрос, требующий отдельного изучения: роль и значение вышгородского мемориального комплекса в формировании сакральных топосов древнего Киева.

В 1015 г. в развернувшейся после смерти Владимира братоубийственной войне за обладание киевским столом погибли юные сыновья великого князя Борис (в крещении Роман) и Глеб (в крещении Давид), получившие в киевских литературных памятниках именование страстотерпцев. Согласно агиографическим текстам, Борис был тайно погребен в древней резиденции киевских князей в Вышгороде у церкви св. Василия. Место захоронения Глеба, убитого близ Смоленска, оставалось неизвестным и было обнаружено по чудесным знамениям: на него указали огненный столб, горящие свечи, ангельское пение, которые видели и слышали прохожие. По распоряжению сына Владимира Ярослава тело Глеба, оказавшееся целым и благоуханным, было торжественно *“съ кръсты, и съ свещами мьнозemi, и съ кандилы, и съ честию многою”* перенесено в Вышгород и положено в могилу Бориса¹. Святое место вскоре прославилось чудесами.

В княжение Ярослава Владимировича и было положено начало церковному прославлению и всенародному почитанию святых князей. При Ярославе мощи князей-мучеников переносились дважды: вначале в однокупольную церквушку, а затем в новый пятикупольный храм, посвященный *“блаженным страстотерпцам Борису и Глебу”*. По свидетельству Нестора, Ярослав украсил церковь *“всякими красотами, иконами и иными писмены”* и распорядился написать образы братьев: *“Повеле же и на иконе святою написати, да входяще вернии люди въ церковь ти видяще ею образъ написанъ, и аky самою зряще, ти тако с верою и любовию поклоняющеса има и целующе образъ ею”*².

¹ Сказание и страсть и похвала мученикам святым Борису и Глебу // Святые князья-мученики Борис и Глеб / Исслед. и подг. текстов Н.И. Милютенко. СПб., 2006, с. 307–308.

² Чтение о святых мучениках Борисе и Глебе // Памятники древнерусской литературы. Пг., 1916, вып. 2. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Подг. Д.И. Абрамович, с. 18.

На протяжении столетия в Вышгороде возводились, сменяя друг друга, патрональные храмы, выполнявшие роль усыпальниц-мемориев. Очередное перенесение мощей святых в новопостроенную каменную церковь состоялось в 1072 г., по Ипатьевской летописи 20 мая, а по Лаврентьевской – 2 мая. Участие в этом событии представителей правящей династии и пяти святителей во главе с митрополитом Киевским указывает на “*высший церковный ранг акта*”³.

Особую заботу о реликвиях святых князей проявил внук Ярослава Владимир Всеволодович Мономах. В столетнюю годовщину гибели Бориса и Глеба 1–2 мая 1115 г. состоялось последнее, особо торжественное перенесение священных останков в новую каменную церковь. По древнему скандинавскому обычаю предков раки с мощами перевозились на снях, которые тащили за веревки князья-родственники и бояре (таким же образом в 1072 г. перевозили каменную раку Глеба). Перенесение сопровождалось огромным стечением народа и праздновалось три дня.

В месяцесловах XII – начала XIV в. по частотности упоминаний одним из наиболее распространенных празднеств является день перенесения мощей 2 мая, древнейшие известия о котором зафиксированы в источниках второй половины XII в.⁴

Почитание святых мучеников вскоре перешагнуло границы Руси. Схизма, расколовшая в 1054 г. славянский мир на *Slavia Orthodoxa* (с церковнославянским языком культа) и *Slavia Romana* (с латынью), не помешала утверждению почитания русских князей в католической Чехии. По свидетельству хроники чешского Сазавского бенедиктинского монастыря, тесно связанного с кирилло-мефодиевским духовным наследием и бывшего центром славянского богослужения с 1033 г. по 1097 г., он владел реликвиями святых братьев. В 1095 г. (или 1093 г.) в монастырь были принесены частицы мощей Глеба и Бориса: “*in quo continentur reliquiae sancti Glebii et socii ejus*”⁵, и тогда же там были освящены два алтаря в их честь. По мнению Д. Чижевского, реликвии были перенесены автором Чтения о Борисе и Глебе – Нестором-летописцем, специально посетившим Богемию⁶. Культ киевских святых в Чехии объясняют не только общностью кирилло-мефодиевской традиции, но и родственными связями

³ Поппэ А.В. О зарождении культа свв. Бориса и Глеба и о посвященных им произведениях // *Russia mediaevalis*. München, 1995, т. VIII, 1, с. 54–55.

⁴ Лосева О.В. Русские Месяцесловы XI–XIV веков. М., 2001, с. 92, 105–106.

⁵ Флоровский А.В. Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений (X–XVIII вв.). V PRAZE, 1935, т. 1, с. 107.

⁶ Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987, с. 53.

киевских князей с чешскими Пршемиславичами, венгерскими Арпадовичами и польскими Пястовичами, в той или иной мере причастными к церковнославянско-латинскому билингвизму⁷.

Да и в самой Византии киевские князья-страстотерпцы были хорошо известны. В одном из центральных районов столицы – Испигасе – с 1117 г. функционировала патрональная церковь: *“Въ лето 6625 създана бысть церкви свв. мученику Бориса и Глеба в Цареграде на Испигасеи”*⁸. В конце XII в. в “святая святых” Византийской империи – алтаре св. Софии находилась значительная по размеру (“велика”) икона св. князей (чудотворная?)⁹. Если принять во внимание, что при основании храма частицы мощей одноименных святых вкладывались в его фундамент, а, кроме того, почитались в самом храме, можно предположить, что мощи св. мучеников были принесены из Вышгорода в Византию и положены в патрональной церкви. Не исключено, что святые реликвии были и в самой Софии, возможно, и в упомянутой выше иконе, поскольку для представителей правящей киевской династии увековечивание памяти их “сродников” в сердце православного мира было акцией исключительно престижной.

Приведенный материал позволяет рассматривать культ киевских страстотерпцев Бориса и Глеба как пример растущего взаимовлияния и “имплантации” местных духовных ценностей в религиозную ткань других культур.

Показательно, что прославление Бориса и Глеба обращено не только к ним лично, но и к их останкам: *“Земля Руская благословися ваю кровью, и мощьми положениемъ въ церкви, духомъ божествне просвещаете”*¹⁰.

Вышгородский мавзолей, возведенный над святыми мощами и описанный в источниках достаточно подробно, был первым киевским мемориалом, восходящим к иерусалимскому архитектурному комплексу Гроба Господня – важнейшей христианской святыне. Созданный императором Константином Великим в 325–326 гг., иерусалимский меморий просуществовал в первоначальном виде до разрушения его персами в 614 г. Композиционным ядром сооружения была погребальная пещера, собственно и представлявшая собою гроб со “святая святых” – каменным ложе, не-

⁷ *Huňáček V. K nejstarším vztahům rusko-českým // Československo-sovětské vztahy. Praha, 1972, d. 1.*

⁸ Архив историко-юридических сведений, относящихся к России. М., 1855, кн. 2, ч. 1, с. XXV.

⁹ Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия с предисловием и примечаниями Павла Савваитова. СПб., 1872, стб. 79.

¹⁰ Повесть временных лет [по Ипатьевскому списку] / Изд. подг. О.В. Творогов // БЛДР. СПб., 1997, т. 1: XI–XII века, с. 182.

когда принявшем тело Христово. Пещеру осеял шатер-кувуклий (от греч. *κουβούκλιον* – опочивальня), возведенный над ней в соответствии с античной традицией. В свою очередь над этими святынями высился величественный храм-ротонда Воскресения (Анастасис). Погребальная пещера, кувуклий-киворий и храм составляли единое литургическое целое – “Новый Иерусалим” – свидетельство смерти и воскресения Христа.

Иерусалимский комплекс, разрушенный персами, был восстановлен императором Ираклием (610–641). В 1009 г. мемориал был почти полностью уничтожен мусульманами и отстроен заново Константином Мономахом к 1048 г. Вместо четырехстолпного кувуклия времен Елены и Константина над Святым Гробом была возведена многоколонная ротонда, очевидно, наследовавшая модель надгробной сени, поставленной в VII в. при императоре Ираклии. Именно этот вариант надгробного кивория был известен в Киевской Руси из паломнической литературы, где святогробский шатер-кувуклий, а вслед за ним и другие надгробные сооружения фигурируют под названием “геремец”.

Для стран христианского мира иерусалимский меморий был высочайшим сакральным образцом, который воплотился в многочисленных местных вариантах. Очевидно борисоглебский комплекс был его киевской интерпретацией.

Источники сохранили сведения о богатейшем убранстве вышгородского погребения святых князей, заслуга в создании которого принадлежала Владимиру Мономаху. Еще в период княжения в Переяславе (1093–1113 гг.) он лично перемерил гробы, оковал и позолотил раки: *“И пришьдъ ночь, примери гроба, расклепавъ же дъскы сребрьныя и позолотивъ. И пакы такоже пришьдъ ночью, и обложивъ, окова чудодееиная святая гроба страстотръпцю Христову мученику Бориса и Глеба”*¹¹. Став великим киевским князем (1113–1125 гг.), Мономах выступил одним из инициаторов и организаторов последнего, особо торжественного, перенесения мощей в новую каменную церковь, состоявшееся 1–2 мая 1115 г. Князь намеревался поставить раки посреди церкви и возвести над ними “теремъ серебрянь”. Но из-за разногласий, возникших между князьями-устроителями, место установки раки решил жребий. Гробницы были помещены “в комару”, т. е. в нишу аркосолия в стене храма. Однако, Владимир не отказался от своей идеи “герема”, воплотив ее в архитектуре и драгоценном оформлении аркосолия, о чем свидетельствуют источники:

¹¹ Сказание о чудесах святых мучеников Христовых Романа и Давида // Святые князья-мученики..., с. 336.

*“окова раце сребромъ и златомъ и украси гроба ею, такоже и комаре покова сребромъ и златомъ, имже поклоняются людие, просяще прощения грехомъ”*¹². Сказание о чудесах Бориса и Глеба сообщает об этом подробнее: *“Исковавъ бо серебряныя дъскы и святыя по нимъ издражавъ, и позолотивъ, покова. Воръ же [ограждение – Н.В.] серебрямъ и золотъмъ, съ хрустальными великими разнизании устрои, имуць пообилу злато, светильна позолочена и на нихъ свеще горяще устрои въину”*¹³.

Вероятно комара, где размещались реликвии, была выполнена в форме терема, на что указывал Н. Воронин, а чеканные изображения святых могли быть представлены как на самих раках, так и на сводах терема-аркосолия над ними. Рельефные фигуры святых на гробницах в восточнославянской культуре появились уже в древнем Киеве. По мнению А. Грабара, практика выполнения таких изображений опирается на византийскую традицию¹⁴.

Роскошное оформление борисоглебской усыпальницы, украшенной золотыми и серебряными пластинами с рельефным изображением святых, хрустальными подвесками и позолоченными светильниками, удивляло даже искушенных иностранных гостей. Они утверждали, что *“никде же сицея красоты несть, а и многихъ святыхъ раки видели”*¹⁵.

На миниатюрах Сильвестровского сборника (2-я половина XIV в.) – самого раннего из сохранившихся “лицевых”, т.е. иллюстрированных списков Сказания о Борисе и Глебе, гробы святых братьев представлены в виде простых прямоугольных ковчегов с накрывающими их крышками¹⁶ и по конструкции аналогичны Святому Гробу, выполненному в форме саркофага, собранного из тесаных плит прямоугольной формы и накрывающей его сверху отдельной плиты.

С Гробом Господним неразрывно связано чудо благодатного огня, символом которого является горящая над ним лампада. В сказании о Борисе и Глебе на месте погребения Глеба люди видели то “стълп огнен”, то “свеще горуше”. Горящие свечи сопровождали перенесение мощей святых братьев. Они же были включены в их погребальный комплекс.

¹² Повесть..., с. 312.

¹³ Сказание о чудесах..., с. 336.

¹⁴ Grabar A. Le thème du “gisant” dans l’art byzantin // Cahiers archeologiques, 1980/1981, p. 141.

¹⁵ Сказание о чудесах..., с. 336.

¹⁶ Сказание о Борисе и Глебе: Факсимильное воспроизведение житийных повестей из Сильвестровского сборника (2-я половина XIV века). М., 1985, 160 с., ил.; приложение, л. 149, рис. 17, внизу; л. 150, рис. 18, сверху; л. 152, рис. 20, сверху и внизу.

Таким образом, вышгородский борисоглебский мемориал – место упокоения и прославления киевских святых князей, оформленный в русле христианской литургической традиции, – был первой на Руси моделью важнейшей христианской святыни – Гроба Господня.

Дальнейшая судьба борисоглебских реликвий неизвестна. По общению проложного сказания, опубликованного по рукописи XVI в., “гробы” Бориса и Глеба были перенесены из Вышгорода в Смоленск на Смядин, в связи с освящением там патрональной монастырской церкви 11 августа 1191 г. В тексте не упоминаются мощи, речь идет о перенесении рак, в которых святые были погребены “*в земле первее в Вышгороде в церкви святого Василия*”¹⁷. Собственно так эту информацию понимал архиепископ Сергей, указывавший на перенесение именно “*ветхих рак*”¹⁸. По мнению А. Поппэ, древние деревянные гробницы почитались в вышгородском мемориале как священные реликвии, что вполне соответствовало христианскому пониманию святости, изначально воспринятому киевскими неопитами. Позже “*именно эти святыни, а не раки с мощами святых, были перенесены в смоленский монастырь на Смядин*”¹⁹.

Однако С. Писарев, предпринявший в конце XIX в. тщательное изучение этого вопроса с привлечением многих источников и исследовательских материалов, полагал, что перенесены были не только гробницы, но и мощи страстотерпцев. Д. Айналов, разделяя эту точку зрения, полагал, что перенесение мощей в Смоленск было вызвано необходимостью избежать уничтожения святынь в связи с постоянной угрозой разорения Киева и его окрестностей степняками²⁰. Действительно, неоднократные попытки, предпринятые в 1669, 1702, 1840, 1861 гг. с целью обнаружения святых мощей на территории вышгородского мемориала, не увенчались успехом. Не были найдены ни раки, ни мощи. С. Писарев пришел к выводу, что в храме-усыпальнице оставалась в качестве святыни только рака, в которой прежде стояли обе гробницы²¹. Могли ли гробы с мощами святых князей находиться в общем саркофаге? Обратимся к свидетельствам летописи о перенесении мощей Бориса и Глеба в 1115 г. Вначале сообщается о перенесении раки Бориса в новую церковь, затем раки

¹⁷ Проложное сказание об освящении церкви св. Бориса и Глеба и перенесении их гробов из Вышгорода на Смядин в 1191 г. // *Никольский Н.К.* Материалы для истории древнерусской письменности // Сборник ОРЯС. СПб., 1907, т. 82, № 4, с. 114–115.

¹⁸ *Сергий (Спасский), архиепископ.* Полный месяцеслов Востока. Владимир, 1901, т. II, с. 243.

¹⁹ *Поппэ А.В.* Указ. соч., с. 52–53.

²⁰ *Айналов Д.* Судьба киевского художественного наследия // ЗОРСА. Пг., 1918, т. XII, с. 34–36.

²¹ *Писарев С.* Было ли перенесение мощей святых мучеников Бориса и Глеба из Вышгорода на Смядынь? Смоленск, 1897, 60 с.

Глеба. Здесь они были поставлены в центре храма. Когда же возник спор об окончательном месте их установки, *“Давыдъ и Олегъ хотяше та поставити я в комару <...> на правой стороне, идеже бяста устроене комаре има <...> И поставиша я в комару тою, на десней стране, кде ныне лежита”*²². Таким образом, речь идет об одной совместной комаре – нише-аркосоліе. Летописец отмечает, что Владимир Мономах оковал раку серебром и золотом и украсил гробы. Вполне вероятно, что гробы с останками святых были вложены в одну каменную раку, т.е. использовался двойной саркофаг, который и был установлен в “комаре”. В древнем Киеве подобная практика была хорошо известна. Так, в 1078 г. тело погибшего киевского князя Изяслава Ярославича было положено в двойную раку – каменную и мраморную²³. Вместе с тем, общий саркофаг, учитывая постоянные “нашествия” паломников, стремящихся максимально приблизиться к святыне, должен был быть не только вместительным, но и устойчивым. Он вполне мог представлять собой двухкамерную гробницу, в которой средняя стенка была общей для обеих камер. Использование таких саркофагов в древнем Киеве подтверждают археологические исследования. Тем более, что на формирование парного культа Бориса и Глеба существенно повлиял близнечный миф²⁴.

В этой связи особенно интересны миниатюры лицевых списков Сказания о Борисе и Глебе – Сильвестровского сборника XIV в. и рукопись Н.П. Лихачева, датируемая концом XV в. Можно полагать, что миниатюристы опирались на известные им исторические реалии. В Сильвестровском сборнике перенесение мощей в 1072 г. представлено двумя отдельными сценами: родственники переносят на своих плечах гробницу Бориса и перевозят на санях гробницу Глеба. Но на миниатюрах, посвященных первоначальному перенесению мощей при Ярославе, тела святых мучеников, обернутые в погребальные пелены, лежат в одной раке²⁵. На миниатюрах “Лицевого жития” (рукопись Н.П. Лихачева, XV в.) благоверные князья, завернутые в саван и лежащие рядом в одном саркофаге, изображены несколько раз: при погребении Глеба в Вышгороде, в чуде о прозревшем слепце, при перенесении мощей в пятикупольную церковь, в чуде исцеления “хромца”²⁶.

²² Повесть..., с. 312.

²³ Там само, с. 238.

²⁴ Александров О. Література Київської Русі: Між міфопоетикою і християнським символізмом. Одеса, 2010, с. 392–399.

²⁵ Сказание о Борисе и Глебе..., л. 148, рис. 16, вверху и внизу; л. 150, рис. 18, внизу.

²⁶ Лихачев Н. П. Лицевое житие святых благоверных князей русских Бориса и Глеба. По рукописи конца XV столетия. СПб., 1907, рис. 22, 24, 25, 26.

Об общей гробнице говорится в песнопениях святым братьям, известных по списку XII в.: *“Ваша гробница – врач безвозмездный”*²⁷.

Учитывая выводы С. Писарева, известную в Киеве практику использования двойных саркофагов и миниатюры лицевых списков, можно предположить, что и в последнем вышгородском храме-мемориале гробницы находились в общей раке, которая почиталась как драгоценная святыня и исчезла после ордынского разорения Киева.

Для хранения реликвий святых страстотерпцев предназначались первые киевские энколпионы – наперсные складные рельефные реликварии, появившиеся на рубеже XI–XII вв. и являвшиеся самой популярной формой нагрудного креста. Современной науке известно около 150 экземпляров, найденных в абсолютном большинстве на южнорусских землях. Учитывая количество борисоглебских наперсных мощевиков, естественно предположить, что большинство вложений было представлено вторичными реликвиями.

Известны и персональные ковчеги, надписи на которых свидетельствуют о том, что некогда в них были вложены мощи святых киевских князей:

- наперсный серебряный двойной ковчег-мощевик. Внутренний ковчежец квадрифолийной формы датируется первой половиной XIII в. Внешний мощевик – также в виде квадрифолия – датируется первой четвертью XIV в. (Музей “Московский Кремль”)²⁸;

- золоченый серебряный крестообразный ковчег XVI в., в который вложена створка медного литого энколпиона XIII в. с изображением Бориса и Глеба (Загорский музей)²⁹;

- серебряный складень-мощевик 1561 г., подаренный митрополиту Филиппу (1566–1569 гг.) новгородским боярином Семеном Трусовым (Музей “Московский Кремль”)³⁰;

- серебряный напестольный крест 1561–1562 гг., вложенный в Соловецкий монастырь (Музей “Московский Кремль”)³¹;

²⁷ Серегина Н.С. Песнопения русским святым. СПб., 1994, с. 323, 461.

²⁸ Стерлигова И.А. Ковчег-мощевик наперсный двойной // ХРМК. М., 2000, кат. № 4, с. 43–45.

²⁹ Николаева Т.В. Произведения мелкой пластики XIII–XVII веков в собрании Загорского музея. Каталог. Загорск, 1960, №№ 8а–8б, с. 102–103; Пуцко В.Г. Кресты-мощевики и ковчеги-мощевики XIV–XVI в. в Троице-Сергиевой Лавре // Древняя Русь. Вопросы медиевистики, 2006, № 2, с. 84.

³⁰ Моришкова Е.А. Складень-мощевик Семена Трусова // ХРМК. М., 2000, кат. № 12, с. 59–62.

³¹ Там же, кат. № 12, с. 62.

- драгоценный крест-мощевик, 1660-е гг. (частное собрание, Москва)³².

Напомним, что мощи Бориса и Глеба в XI в. почитались в Сазавском чешском монастыре. Еще одна реликвия – меч св. Бориса – известна как святыня Северо-Восточной Руси³³.

Таким образом, почитание святых реликвий, восходящее к общехристианской традиции, было характерно для ранней киевской Церкви. Показательно в этом отношении почитание мощей благоверных князей Бориса и Глеба, тесно связанное с культом самих святых. Оно воплотилось прежде всего в возведении вышгородского мемориала, архетипом для которого служил иерусалимский мемориал Гроба Господня и который, в свою очередь, стал важной составляющей древнекиевского комплекса сакральных топосов.

³² Гнутава С. В. Крест-мощевик (колыбельный, царевича Ивана Алексеевича?) // ХРМК. М., 2000, кат. № 15, с. 68.

³³ ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1997, стб. 369; Айналов Д. Указ. соч., с. 38–39.